

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
на диссертацию Егорова Анатолия Григорьевича на тему:
«Онтология двойственности (основы теории бинера)»,
представленную на соискание ученой степени доктора философских наук
по научной специальности 5.7.1. Онтология и теория познания

Актуальность темы представленной к защите диссертации обусловлена тем, что двойственность вкупе с единством и тройственностью суть немаловажная характеристика предмета и метода философии, уже получившая разностороннюю разработку в истории мировой философии. Как показывает список литературы, составленный А. Г. Егоровым, проблематика двойственности прочно вошла в классические и современные философские исследования, что не исключает, но, напротив, требует продолжения её теоретического осмысления – тем более что она, как убедительно показывает соискатель докторской степени во введении к своей диссертации, представляет собой интерес, далеко выходящий за пределы указанной научной специальности.

Соискатель полагает, что принцип двойственности (или, в принятой им терминологии, бинера) лежит в основе всех разделов философии, а бинарный подход есть «первоначальный методологический инструмент разума» (с. 8). А. Г. Егоров считает, что принцип бинера, генезис которого начался ещё в Упанишадах, даосизме и гностицизме, при том, что он «лежит в основании всякой метафизики и любой теории познания, а также любой мифологии, всей культуры в целом» (с. 45), до сих пор разработан «в незначительной степени и не системно» (с. 9). Излагаемая в диссертации концепция бинера прямо восходит к оригинальному эзотерическому учению русского инженера путей сообщения и мыслителя Владимира Алексеевича Шмакова, без ссылок на чьи труды Анатолий Григорьевич не может обойтись едва ли не на каждой странице основного текста своей работы за исключением её последней, пятой главы. По мнению соискателя, теория бинера «позволяет произвести значительную коррекцию устоявшихся и в какой-то степени застывших онтологических понятий – противоречия, антиномии, двойственности, дуады, дуализма, монады, единства, целостности и бинаризма» (с. 10). Автор диссертации придерживается философской «позиции идеал-реализма, то есть понимания бытия как синтеза различных, качественно противоположных полюсов – идеальности и материальности, трансцендентности и имманентности, субъективности и объективности», ибо «фактически в идеал-реализме имплицитно содержатся многие положения концепции бинера» (с. 20). Эта позиция, указывает А. Г. Егоров, базируется на онтологических идеях не только В. А. Шмакова, но и Платона, Аристотеля, Плотина, Шеллинга, Гегеля, И. А. Ильина, С. Л. Франка и Н. О. Лосского (Гегель и Ильин по количеству ссылок в диссертации уступают лишь Шмакову). Цель работы – не только «построение концепции бинера», но и «разработка методологических принципов и приёмов бинарного анализа» (с. 25). Огромное количество ссылок на труды Шмакова и цитат из них объясняются главной (седьмой по порядку, но отнюдь не по значению) задачей исследования, которая заключается, по словам соискателя, в «переводе многих ценных и значимых идей об архитектонике мира и бытия, разработанных в эзотерической философии, в сферу научной

философии» путём рациональной «переработки мистических и иррациональных моментов» в ходе «достройки до более систематической и целостной формы той концепции бинера, которую, в общих чертах (но, главным образом, на мистических основаниях), уже создал русский философ В. А. Шмаков» (с. 26). Наряду с содержанием его мистической концепции единства, бинера, тернера и кватернера как четырёх абсолютных принципов («основных законов», по Шмакову) архитектоники мира А. Г. Егоров вовлекает в своё исследование в качестве иллюстрации рационалистически модифицируемых им положений концепции своего предшественника обширный материал из истории классической и современной философской мысли, равно как истории мировой культуры – восточной, западной и российской.

Беспорное достоинство диссертации состоит, на мой взгляд, в предельной искренности её автора – в той бесхитростной прямоте, с которой он добросовестно и подробно излагает онтологические основы теории бинера. Но эта теория в её рационалистической производной от своего мистического оригинала ничего нового, по сути, не добавляет кроме разнородных примеров, идейных параллелей с Гегелем в интерпретации И. А. Ильина, с Платоном в изложении А. Ф. Лосева и довольно частых ссылок на работы пятерых современных отечественных авторов (М. С. Уварова, М. Эпштейна, Е. Ю. Воробьёву, Н. А. Брунова и С. Ликанова). Поэтому в диссертации Егорова она без остатка сводится к созданной Шмаковым *теоретической механике* становления духа по схеме тезиса, антитезиса и синтеза, причём антитезис Егоров, буквально повторяя терминологию Шмакова, именуется интегралом или андрогинном. Бинер через тернер (то есть тройственность) тезиса, антитезиса и синтеза выступающий затем кватернером (четверицей), соединяет тернер и кватернер в септернере, или семернице «как полной реализации субстанции и высочайшем конечном синтезе всего возможного знания» (с. 151). Соискатель докторской степени полагает, что «путь к истине лежит через конкретность спекулятивного синтеза» (с. 307), разделяя, таким образом, не только с Ильиным трактовку логического метода Гегеля как триады всё тех же тезиса, антитезиса и синтеза.

Содержание четырёх из пяти глав диссертации, занимающих в ней вместе с даваемыми А. Г. Егоровым многочисленными примерами из истории мировой культуры, философии и эмпирических наук, которые он приводит в качестве иллюстраций, более двухсот страниц основного текста, представляет собой *рассудочно-диалектический комментарий* основных положений мистической теории бинера, созданной Шмаковым. Считать этот комментарий *переводом* содержания идей эзотерической философии Шмакова в форму научной философии, то есть решением главной задачи всей работы соискателя, на мой взгляд, нельзя. Почему нельзя? Потому, что изложение Егоровым оккультной теории бинера Шмакова остаётся заражено иррациональностью *интеллектуального созерцания* или *интуиции* Единого, то есть пенаучностью веры, её формальной недоказуемостью – непередаваемостью её содержания другим людям, что Анатолий Григорьевич вынужден чистосердечно признать.

Вот как он сам пытается рационально объяснить мистический переход от трансцендентного к имманентному, от Единого, не имеющего в себе никаких различий, ко многому – к бинеру тезиса и антитезиса в пневматологии Шмакова – переход,

необходимый для начала познания. По сути бинер, утверждает Егоров вслед за своим предшественником, существует для нас только в своих антитезисах: «Его тезис, как исходную сущность бинера, только рациональным способом выявить невозможно. В тезисе бинер бытийствует трансцендентным образом» (с. 90), отчего для соединения с ним конечного сознания требуется трансценденция, или неоплатонический экстаз – преодоление конечности нашей души и духа. «Мы не можем познать тезис бинера сам по себе в силу непосредственности его характера, – пишет соискатель. – Тем не менее, эту непосредственность мы иногда можем ухватить с помощью другой непосредственности, а именно посредством интуиции и интеллектуального созерцания. Интеллектуальное созерцание снимает опосредствование и отказывается от доказывающей, внешней рефлексии. Однако, что же мы будем созерцать, если тезис бинера как таковой обладает чистой неопределённостью? Можно ли созерцать пустоту? Или это будет такое же пустое, чистое созерцание, равное пустому и чистому тезису? Думаю, что нет. Ибо созерцание вступит в бинарные отношения с созерцаемым тезисом, между ними уже не будет абсолютного тождества» (с. 98). На основе таких «доказательных (наверное, лучше было бы сказать, обосновывающих) процедур (выходящих за пределы как математики, так и формальной логики, но также используемых в известных пределах)», мы, утверждает Егоров, постепенно от антитезисов поднимаемся к их тезисам, ибо «по мере усиления опосредованности тезиса мы всё более начинаем его распознавать и одновременно всё более в него верить, то есть вступать с ним в непосредственные отношения» (с. 99). Итак, рационального объяснения у Егорова не получается, если не признать наличие у некоторых людей способности *непосредственного знания*, или *духовидения*: «В силу указанных выше свойств тезис непосредственно не наблюдаем, но его можно видеть духовным зрением и/или же мыслить. Именно по этой причине большинство людей долго не могут добраться до тезисов тех бинеров, с которыми они взаимодействуют и которые действуют в них. Тезис бинера, – заключает автор диссертации, – есть та сторона бытия, до которой в полной мере, по-видимому, никогда не добирается ни один человек, по крайней мере, традиционными путями познания» (с. 99). Только с помощью непосредственного знания (которое тоже, замечу, имеет довольно давнюю традицию, идущую от гностиков и неоплатоников) можно, согласно Шмакову и Егорову, из антитезиса через тезис достичь синтеза, в котором нейтрализуется их абсолютная противоположность, чем вновь достигается их непосредственное единство. Только так, заключает Егоров, можно познать бинер как первичное метафизическое образование, состоящее из тезиса и антитезиса, которые в бинере находятся в антиномичном и диалектическом взаимодействии: «Бинер есть нечто недействительное и абстрактное, конструкция нашей мысли, но благодаря этой конструкции всё становится действительным и конкретным» (с. 52). Чудеса – да и только! Именно поэтому я не нашел в работе А. Г. Егорова действительно новых и доказанных научных положений и выводов.

С чем же пришлось иметь дело в его докторской диссертации? С повторением того, что в истории классической философской однажды уже случилось с Шеллингом. Достигнув в своей философии тождества точки зрения индифференции, или абсолютного безразличия субъективного и объективного, из чего никак нельзя было доказательно вывести их различие в природе и духе, он пережил духовную драму и

вынужден был отказаться от своего плана создать систему научной философии в пользу разработки философии мифологии и Откровения, в которой он выступил родоначальником современной мистики и иррационализма. Они пышным цветом расцвели в произведениях Блаватской и Шмакова, ибо та и другой тоже принялись за истолкование священных книг.

Чем может быть оправдано такое повторение? Только справедливой неудовлетворённостью соискателя чисто рассудочным, исключительно опосредующим способом эмпирического познания, недостатки которого автор диссертации пытается восполнить достоинствами непосредственного знания – способом созерцающего разума, или интеллектуального созерцания, тоже имеющим (правда, свои собственные) недостатки. Однако тем самым А. Г. Егоров даже не суммирует, а умножает друг на друга недостатки этих способов мысли, ибо считает свою попытку преодоления абстрактного рассудка шагом к достижению конкретного единства спекулятивного разума. На деле же его общая со Шмаковым теория бинера есть протест против внешней, рассудочной рефлексии с точки зрения рефлексии мышления и бытия, то есть рассудочный протест против рассудка, не более. Вот почему Егоров не раз в своей диссертации говорит о пределах разумного познания, а «Феноменологию духа», «Науку логики» и «Энциклопедию философских наук» Гегеля, сумевшего извлечь урок из драмы Шеллинга, трактует исключительно в духе работы Ильина о Гегеле.

Эта работа, похоже, вдохновляюще подействовала на Шмакова тем, что Ильин ложно приписал Гегелю пресловутую схематическую триаду тезиса, антитезиса и синтеза, которую Шеллинг унаследовал от Канта и Фихте. Поэтому пятая глава диссертации А. Г. Егорова, где почти нет прямых ссылок на В. А. Шмакова и больше всего ссылок на И. А. Ильина и названные работы самого Гегеля, тоже не содержит принципиально новых положений.

На основании вышеизложенного заключаю, что диссертация Анатолия Григорьевича Егорова на тему: «Онтология двойственности (основы теории бинера)» не соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Анатолий Григорьевич Егоров не заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.1. Онтология и теория познания. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории философии
Института философии СПбГУ

Муравьев А. Н.

29 мая 2022 года